

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-94-112

УДК 811.161.1; 811.581

ПРОПОЗИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ ГЛУБИННЫХ КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ В ТЕКСТЕ НАРОДНЫХ ПРИМЕТ

Лян Мэнцзе

Обоснование. Важность исследования обусловлена вниманием к картине мира, логике мифопоэтического мышления и мифопоэтических представлений о природе, присущих русскому народному сознанию.

Цель. В статье проанализированы типы и структура событийных пропозиций русских орнитологических примет с субъектной доминантой.

Материалы и методы. Материалом являются около 350 русских орнитологических примет с субъектной доминантой. Источниками исследования являются словари русского языка и сборники примет, поверий, суеверий, а также работы о русских приметах. Основным методом исследования – анализ пропозиций. Кроме того, в работе использовались такие методы, как метод классификации и этнокультурологический анализ.

Результаты. Анализ типов и структуры событийной пропозиции русских орнитологических примет с субъектной доминантой выявил актуальные элементы пропозитивной семантики данного типа примет: это пропозиции «(пере)движение» и «действие». Проведено исследование нескольких смысловых слоев текста примет: собственно пропозитивный, внутривопозитивный и припозитивный. Показано преимущество пропозиционного анализа по сравнению с распространенным в современной лингвистике когнитивным (фреймовым) и структурно-семантическим анализом русских народных примет, которое состоит в том, что пропозитивный анализ примет позволяет выделить модели, которые отражают способы познания и оценки действительности.

Область применения результатов. Результаты анализа могут быть использованы для описания малых фольклорных жанров, а также в педагогической деятельности, в частности, в преподавании фольклора.

Ключевые слова: пропозиционный анализ; культурные смыслы; орнитологические приметы русского языка

Для цитирования. Лян Мэнцзе. Пропозиционный анализ как способ выявления глубинных культурных смыслов в тексте народных примет // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 1. С. 94-112. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-94-112

PROPOSITIONAL ANALYSIS AS A WAY OF REVEALING UNDERLYING CULTURAL MEANINGS IN THE TEXT OF OMENS

Liang Mengjie

Background. The importance of the study is due to the attention to the picture of the world, the logic of mythopoetic thinking and mythopoetic representations of nature inherent in the Russian folk consciousness.

Purpose. The article analyses the types and structure of event propositions of Russian ornithological omens with subjective dominance.

Materials and methods. The material is about 350 Russian ornithological omens with a subjective dominant. The sources of the study are dictionaries of the Russian language and collections of omens, beliefs, superstitions, as well as works on Russian omens. The main method of research is the analysis of propositions. In addition, such methods as the method of classification and ethno-cultural analysis were used in the work.

Results. The analysis of the types and structure of the event proposition in Russian ornithological omens with the subject dominant revealed the actual elements of the propositional semantics of this type of omens: these are the propositions “(over)movement” and “action”. Several semantic layers of the text of omens have been studied: proper proposi-

tional, intra-propositional and prepositional. It shows the advantage of propositional analysis in comparison with the cognitive (frame) and structural-semantic analysis of Russian folk omens, widespread in modern linguistics, which is that the propositional analysis of omens allows to identify models that reflect ways of cognition and evaluation of reality.

Practical implications. *The results of the analysis can be used to describe small folklore genres, as well as in pedagogical activities, in particular in the teaching of folklore.*

Keywords: *propositional analysis; cultural meanings; ornithological omens of the Russian language*

For citation. *Liang Mengjie. Propositional Analysis as a Way of Revealing Underlying Cultural Meanings in the Text of Omens. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 1, pp. 94-112. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-94-112*

Введение

Цель. Проанализировать типы и структуру событийных пропозиций русских орнитологических примет с субъектной доминантой.

Актуальность. Важность исследования обусловлена вниманием к картине мира, вербализованной в таком малом фольклорном жанре, как приметы. По словам А.Н. Афанасьева, связь между известным предметом и его образом сознание человека как представителя определенной культуры удерживает долго, но смысл этой связи утрачивается, и осознать его без помощи науки невозможно [4, с. 60].

Материалы и методы

В данной статье анализируются орнитологические приметы с субъектной доминантой. Под приметами с субъектной доминантой понимаются такие высказывания, в которых субъектом (исполнителем) действия, представленным в прогнозирующей части приметы (если...), является птица: *Гуси моются – перед дождем* [18, с. 69, 338]. В данном примере субъектом действия является *гусь*, а адресатом – *человек*, которому и адресован прогноз, представленный в прогнозируемой части приметы (...то).

В рамках исследования было проанализировано около 350 примет, представляющих орнитологический код. Источниками исследования являются словари русского языка и сборники примет, поверий, суеверий, а также работы о русских приметах.

Основной метод исследования в настоящей работе – анализ пропозиций. Кроме того, в работе использовались такие методы, как метод классификации и этнокультурологический анализ.

Результаты и обсуждения.

Концептуальное пространство русских орнитологических примет

Когнитивный аспект исследования примет связывается в работах с механизмом реализации иерархических связей и строится в ходе взаимодействия фреймов по категориальной оси «причина – следствие». Исследователи фиксируют арсенал когнитивных моделей, заложенных в приметах [10, с. 153]. Отмечается, что народное сознание отбирает только те явления для фреймовой презентации, которые проверены многократными наблюдениями [13, с. 34]. Например, Н.Н. Семененко отмечает, что примета *Веник расстрепался – хозяйке быть битой* содержит взаимодействие фреймов «Уборка жилища» и «Побои», которое отражает специфику народного сознания над явлениями данного сценария [21].

В литературе обсуждается вопрос о референтах примет. Отмечается, что референтами примет «служат не отдельные предметы, а ситуации, отнесенность к которым отражается в синтаксическом оформлении примет» [26, с. 11]. Что касается семантической структуры примет, то ученые обращают внимание, что их денотативное значение формируется не в области предметной действительности, а в области мифического сознания носителей языка [2, с. 12, 55].

Концептосфера народной приметы описывается Е.Е. Тонковой через фиксацию «криптоклассов», которые образуются концептами [25, с. 76-77].

Анализ русских и немецких примет на когнитивно-пропозитивном уровне проведен в докторской диссертации М.А. Кульковой [16]. Исследователь рассматривает способы выражения пропози-

тивного содержания в народных приметах. Основным компонентом содержания семантической пропозиции примет является, по мнению М.А. Кульковой, следственный компонент, поэтому основная пропозиция – это пропозиция следствия, а дополнительные – причины и цели. Исследователем выявлено, что пропозитивное содержание в приметах может быть представлено эксплицитно и имплицитно. М.А. Кулькова также рассматривает типы осложнений простых предложений в группе народных примет (компликаторов, по терминологии М.А. Кормилицыной): актантные, атрибутивные и сирконстантные. В работе подробно рассмотрены типы и средства выражения этих осложнений в русском и немецком языках [16, с. 130-214]. Подобное исследование проведено и в диссертации К.Р. Вагнер [9].

Исследование орнитологических примет с субъектной доминантой было проведено нами ранее [17]. Было показано, что признание приметы знаком ситуации дает возможность использовать семиотический подход и метод бинарных оппозиций. Такой подход позволяет установить типологию логических отношений между частями приметы: прогнозирующей и прогнозируемой, и определить такие оппозиции, как *локус – погода, пространство – погода, время – погода, действие – погода, образ действия – погода* и *количество – погода* (для погодных примет) и *локус – судьба, пространство – судьба, время – судьба, действие – судьба, образ действия – судьба* и *количество – судьба* (для суеверных примет).

Мы считаем, что изучение орнитологических примет методом оппозиционного анализа, предлагаемого в [Там же], позволяет дать описание поверхностного уровня содержания примет. Для изучения же глубинных смыслов содержания этих паремиологических единиц необходимо применение пропозиционного анализа.

Пропозиционный анализ примет орнитологического кода

Пропозиционный (пропозициональный) анализ используется при описании единиц высшего уровня – предложения / высказывания и текста, которые определяются как языковые знаки. Целью такого анализа является вычленение денотативного и информационного содержания единицы для исследования ее понимания и ин-

терпретации, выявления актуальных (глубинных) смыслов, а также определения уровня сложности и читабельности текста.

В исследовании пропозиции выделяются как минимум два подхода: логический и когнитивный.

Понятие «пропозиция» как ключевая категория в логико-семантической структуре предложения имеет долгую историю и начиналось с понятия пропозиции как логического суждения, затем термин «пропозиция» стал употребляться по отношению к языковой форме суждения – предложению, а потом стал означать денотат предложения, то есть его объективное, независимое от говорящего, содержание [3, с. 21-28].

Постепенно понятие «пропозиция» входит в сферу семантического синтаксиса и оценивается как инструмент изучения диктума на языковом уровне [27, с. 8]. В современных исследованиях все чаще пропозиция рассматривается в качестве одной из репрезентирующих знания человека структур, изучающих проблему соотношения языка и мышления, в частности вопрос о способах хранения знаний, в рамках когнитивного направления. Пропозиция вербальна, а ее структуру определяет валентностный потенциал глагола – базового предиката, а также число и характер актантов и сирконстантов [23].

Этапами пропозиционного анализа традиционно считаются выделение типов пропозиций в анализируемом материале, анализ их пропозитивной семантики, основанной на значении глаголов и их «распространителей» (Ч. Филлмор).

В литературе представлены разные типологии пропозиций: событийные / логические [27], когнитивные / оценочные [15], акциональные / статальные [20], синтаксические / деривационные [6]. Типология пропозиций, по мнению Т.В. Шмелевой, входит в языковую семантику и является частью наших представлений о действительности [22, с. 277].

Тексты примет относятся к полипропозитивным структурам, даже если само предложение простое, то есть монопредикативное (*Сычи и перепела кричат перед дождем* [18, с. 78]). Все приметы

относятся к виду обстоятельственных логических пропозиций по типу отношений между пропозициями в тексте приметы. По типу пропозиций в группе русских орнитологических примет выделяют простые (*Аист снится – к счастью* [Там же, с. 228]) и расширенные (развернутые) пропозиции (*Чтобы разбогатеть, трясут кошельком или хватаются за монеты при первом куковании кукушки или при первом прилете аиста* [Там же, с. 421]).

Событийные пропозиции в структуре орнитологических русских примет

Т.В. Шмелева делит пропозиции на две группы – событийные и логические. Событийные пропозиции соотносятся с вопросом «Что произошло?», «портретируют» действительность, являются результатом восприятия, наблюдения и воспоминания и допускают модус восприятия (*я вижу, я слышу*). Событийные пропозиции делятся ученым на 5 подтипов – состояния, движения, действия, восприятия и речи. Они отличаются по принадлежности к разным сферам (мир природы, внутренний мир человека и его социальные реалии) и по «именам пропозиции»: сочетаниями *находится в состоянии, испытывать состояние* (пропозиция состояния), *глаголами движения* (пропозиция движения), глаголами со значением «*делать, создавать, сооружать, создавать*» (пропозиция действия), глаголами со значением «*видеть, слышать, чувствовать, ощущать*» (пропозиция восприятия) и *глаголами речи* (пропозиция речи). Логические пропозиции порождают вопросы «Как ты догадался? Почему ты так решил?» и представляют собой результат умственных операций и сообщают об установленных признаках, свойствах, отношениях. Они разделяются на 3 подтипа по степени сложности – элементарные (один обязательный актанта), релятивные (как минимум два актанта) и обстоятельственные (временные и обусловленности) [27, с. 10-22; 22, с. 277-292].

Рассмотрим основные пропозиционные признаки орнитологических примет русского языка, а именно: типы предикатов и актантов в событийных пропозициях.

Для классификации примет по типам пропозиции существенным является анализ первой пропозиции в двучастной структуре

приметы – прогнозирующая (первая) часть со значением условия (событие): если... Что касается прогнозируемой (второй) части со значением следствия (собственно прогноз), то она анализу в данной статье не подвергалась.

Мы придерживаемся традиционной классификации народных примет, идущей от А.Н. Афанасьева, предложившего деление примет на те, что выведены из действительных наблюдений, и те, в основе которых лежит мифическое представление [4, с. 63-67]. Первые называются в современной науке погодными, а вторые суеверными.

Погодные приметы по типу предикатов в событийной пропозиции можно разделить на следующие группы: «(пере)движение» и «действие». Обязательными элементами структуры событийной пропозиции для групп «(пере)движение» и «действие» являются акциональные предикаты.

Мы придерживаемся точки зрения Т.В. Шмелевой о том, что в пропозиции можно выделить несколько смысловых слоев: собственно пропозитивный, внутривопозитивный и припозитивный [27, с. 8].

Собственно пропозитивный слой в анализируемом материале – это событийная пропозиция, реализуемая группой глаголов и их видовыми коррелятами определенной семантики.

В группе «*(пере)движение*» событийная пропозиция реализуется глаголами с семантикой «поступательное движение субъекта» (*летать, возвращаться, виться, порхать, парить* и их видовые корреляты *лететь, улетать / улететь, вылетать / вылететь, возвратиться*); «перемещение объекта» (*вздыматься, играть* (в значении «кругового и вращательного перемещения»), *кружить/ся, покинуть, сносить, выбрасывать*); «помещение» (*забираться, прятаться, садиться, окунуться*) [24, с. 29, 49, 62, 64, 89, 107, 108, 144, 148, 149, 152, 172]. См. примеры: *Чибис летает низко – к продолжительной сухой погоде* [18, с. 228]; *Щеглёнок кружится в воздухе на одном месте – к непогоде* [Там же, с. 137]; *Цыплята прячутся – к сырой погоде* [12, с. 562]; *Аисты покинули гнездо и перенесли птенцов – в доме будет пожар* [18, с. 172]; *Аист выбрасывает птенца из гнезда – к неурожаю* [Там же, с. 144, 276].

В эту группу мы включаем глагол *купаться*, потому что по отношению к птицам в семантической структуре глагола актуализируется значение «*погружаться во что-то жидкое, сыпучее*» [7, с. 480] (*Воробьи купаются в пыли – к дождю* [18, с. 68]; *Чайки много купаются – к ненастью* [12, с. 564]). Сюда же можно отнести и такие глаголы со сходным значением, как *полоскаться*, *нырять*, *мыться* (*Гуси полощутся в воде – к теплу* [Там же, с. 233]; *Гуси (гусь и утка) ныряют – к дождю (на дождь)* [18, с. 69; 11, с. 465]; *Гуси моются – перед дождем* [Там же, с. 69, 338]). В пропозитивной семантике приметы актуализируется иное значение и глагола *веселиться*. Этот глагол, включенный в лексико-семантическую группу «Пребывание субъекта в эмоциональном состоянии» [24, с. 518] и имеющий значение «*предаваться веселью, весело проводить время*» [7, с. 121], в тексте приметы обретает значение «*беспорядочного, суетливого движения, вызывающего шум*». Ср.: *Воробьи веселятся – к вёдру* [18, с. 216] и сходный смысл в приметах *Шумят воробьи – на дождь* [Там же, с. 79, 317]; *Воробьи дружно чирикают зимой – к теплу* [Там же, с. 233]; *Воробьи веселы, подвижны, драчливы – к хорошей погоде* [Там же, с. 216, 316].

В группе «*действию*» событийная пропозиция реализуется глаголами с семантикой «существование» – локализованное существование (*Аист поселился на крыше – пожара не будет* [Там же, с. 172, 276]) и образа действия (*Куры россыпью ходят – к дождю* [Там же, с. 74]; *Курица на одной ноге (стоит) – к стуже* [8, с. 576]). В этих случаях позиция предиката может быть нулевой, то есть для обозначения пропозиции глагол необязателен.

К данной группе относятся пропозиции с именем предиката «гнездование», «звучание» и «питание». Пропозиция «гнездование» реализуется глаголами *поселиться*, *вить*, *выбрасывать*, *сносить*, *покинуть*, *строить* с актантом-объективом *гнездо*: *Если птицы вьют гнезда на солнечной стороне деревьев, домов – к холодному лету* [18, с. 112]; *Воробьи летают и строят гнездо – к хорошей погоде* [Там же, с. 216]. Пропозиция «звучание» охватывает предикаты с семантикой «издавать, производить какие-то звуки,

не связанные с речью» – кричать, щебетать, чирикать, шуметь, каркать, токовать, ворковать [24, с. 448, 456, 457] и «речевая деятельность» – молчать [Там же, с. 352] и их видовые корреляты. См. примеры: *Воробьи щебечут – к дождю* [18, с. 317]; *Воробьи расчирикались летом – перед дождем* [Там же, с. 68, 317]; *Вороны часто кричат – к дурной погоде* [18, с. 36]; *Вороны каркают, стайей летают – к ненастью, зимой – к морозу* [8, с. 559]; *Токование глухаря в ненастное утро – к перемене погоды в лучшую сторону* [18, с. 171]; *Жаворонок замолкает – к ненастью* [Там же, с. 133, 365]. Пропозиция «питание» реализуется глаголами *кормить(ся)* и *пасть*: *Птицы вечером кормятся дольше обычного – к морозу* [Там же, с. 127]; *Если летом вороны, грачи и галки кричат или, ходя по траве, «пасутся», то скоро будет дождь* [18, с. 70].

Внутрипозитивный слой в исследуемом материале отражает структуру пропозиции и определяется числом и характером ее элементов – предикатных актантов и сирконстантов. Так, в пропозиции «перемещение объекта» позиции актантов и сирконстантов замещаются (*Аист сносит гнездо с крыши – в доме будет пожар* [Там же, с. 172]), а в пропозиции «помещение» – нет.

Припозитивный слой в приметах организуется за счет смыслов фазисности и негации [27, с. 9]: *Перед непогодой певчие птицы перестают петь* [18, с. 135]; *Если прилетные птицы весной долго не говорят (не щебечут), то будет еще холод, сиверко* [Там же, с. 262].

Пропозиционный анализ примет как способ выявления культурных смыслов

Представленная классификация орнитологических примет с субъектной доминантой по типу и составу пропозиций в левой части не претендует на то, чтобы быть единственным описанием пропозиционного содержания русских примет, так как, по словам Г.А. Золотовой, «не следует абсолютизировать никакую классификацию, в классификации часто отражается тенденция к противопоставленности явлений, при наличии промежуточных случаев» [14, с. 10].

Важность пропозиционного анализа мы видим в том, что он выявляет актуальные смыслы, то, что важно человеку в поведении

птиц, то, что имеет для него мифический смысл. Например, в приметах о *гагаре* актуализируется только пропозиция «звучание»: *Гагара как закричит «до горла», «до горла», – обязательно ветер* [18, с. 41, 324]; *Гагары ревут – дождь будет* [Там же, с. 69]; *Если гагара заревет – то перед северным ветром и дождем, а если закричит – то перед ведром* [Там же, с. 217, 324]. Кроме того, пропозиция «звучание» выявлена в приметах о *перепеле, коростели, бекасе, кукушке, сове, филине, сыче, дятле, иволге, сойке, дрозде, соловье, синице и овсянке*, пропозиция «питание» в примете о *рябчиках*, пропозиция «(пере)движение», представленная в приметах о *баклане, гусе, утке, орле, коршуне, куропатке, фазане, журавле, стриже, ласточке, скворце, граче*, реализуется предикатами со значением «летать» (*гусь, коршун, куропатка, журавль, стриж, ласточка, скворец, грач*), «парить» (*орел, коршун*), «плавать» (*баклан, гусь, утка*). Безусловно, такая актуализация тех или иных качеств и признаков поведения птиц имеет определенное значение, указывает на важные для носителя языка свойства. Они не всегда соответствуют особенностям поведения птиц, которые выделяются в научной картине мира. Зачастую, как указывают орнитологи, мифы и легенды о птицах не соответствуют их реальному поведению. Так, при описании *гагары* в научной картине мира действительно актуализируется признак «громкий голос» (*гагара – голос громкий, состоит их пронзительных воплей и стонов* [19, с. 27]), а крупные птицы отряда соколообразных (*орлы, ястребы, соколы, коршуны*) способны парить, «экономя силы с помощью восходящих воздушных потоков» [Там же, с. 104]. Но, например, низкий полет *ласточек* вовсе не связан с дождем: деревенские ласточки всегда кормятся на небольшой высоте, городские же ласточки теплыми вечерами, во время массового лета насекомых, тоже спускаются вниз [Там же, с. 278]. А ранний прилет *грачей* не всегда является ранним, так как некоторые грачи вместе с воронами и галками в населенных пунктах так и остаются зимовать в средней полосе России, никуда не улетают, а значит, и не прилетают [Там же, с. 308]. Примета *Зяблик рюмит (жалобно свищет) – будет дождь* [18, с. 387] отчасти вер-

на, так как птица действительно «рюмит» перед дождем, но лишь тогда, когда небо уже и так затянулось и в лесу стало темно, так что и без пения птицы ясно, что дождь пойдет [19, с. 380].

Такие данные приводят любого исследователя народных примет к вопросу, как возникала эта «логика переходов смыслов, когда из предыдущего тезиса разворачивается последующее» [5, с. 13]. В приметах даются образцы поведения, которые наиболее значимы для существования коллектива [Там же, с. 13]. Поэтому наблюдения «русских простонародных метеорологов», складывающиеся веками в форму народных примет, так важны, хотя они условны, общи, темны и гадательны [1, с. 2, 17].

Заключение

Анализ типов и структуры событийной пропозиции русских орнитологических примет с субъектной доминантой, представленной в прогнозирующей (первой) части приметы, выявил актуальные элементы пропозитивной семантики данного типа примет: это пропозиции «(пере)движение» и «действие». Пропозиция «(пере)движение» реализована глаголами, в семантике которых актуализирована сема «горизонтальное и вертикальное движение» (*вверх, вниз и внутрь*), а в качестве сирконстантов представлены объекты, обозначающие твердую поверхность или воздушную / жидкую среду (*земля, небо, крыша*) (см. типовую семантику в: [24, с. 27]) и имеющие транзитивную семантику [Там же, с. 263] (*парить над головой*), семантику отправной / исходной точки движения [Там же, с. 73, 90] (*улетать со своего гнезда; от своего гнезда*), семантику директива – направления движения внутрь [Там же, с. 159] (*залетать в дом*). Пропозиция «действие» реализована глаголами, в семантике которых актуализирована сема «объекты жизнедеятельности» с актантом (*гнездо*) и сирконстантами времени (*летом, утром*).

Исконные смыслы, выявление которых затруднено, так как в исторической перспективе слово «для простолоюдина не всегда есть только знак, указывающий на известное понятие, но оно живописует самые характеристические оттенки предмета и яркие особен-

ности явления» [4, с. 40-41], издавна отражали многовековые наблюдения земледельца за явлениями природы. Это знание давно забыто, но вера в знаки осталась, потому что все еще имеет практическую ценность для современного человека. Такая живая для древнего человека связь между явлениями дает возможность для современного человека увидеть, какие именно аналогии находил народный ум. Эти аналогии постепенно утрачивают функцию автоматизированной программы поведения, сохраняются скорее как привычка следовать прогнозам примет.

Пропозитивный анализ примет позволяет выделить модели, которые отражают способы познания и оценки действительности [10, с. 153], то есть увидеть связи на другом уровне обобщения, чем при когнитивном (фреймовом) и тем более структурно-семантическом анализе.

Список литературы

1. Агринский К.Ф. Русские народные приметы о погоде и их значение для практической метеорологии и сельского хозяйства. Саратов: Типография Т-ва И.И. Лысенко и Н.С. Петровъ, 1899. 364 с.
2. Ананьина Т.С. Репрезентация примет и поверий во фразеологических единицах русского и французского языков (сопоставительный аспект): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 252 с.
3. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
4. Афанасьев А.Н. Живая вода и вещее слово. М.: Советская Россия, 1988. 512 с.
5. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
6. Балакин С.В. Основные свойства пропозициональной структуры при деривационных процессах (на материале французского языка) // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 5. С. 90-98.
7. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

8. Бурцев А.Е. Народный быт великого севера. Его нравы, обычаи, предания, предсказания, предрассудки, притчи, пословица, присловья, прибаутки, перегудки, припевы, сказки, присказки, песни, скороговорки, загадки, счеты, задачи, заговоры и заклинания. М.: МООО «Экологический союз Подмосковья», ИЦ «Слава!», 2010. 624 с.
9. Вагнер К.Р. Семантика и синтаксис русских народных примет с компонентом «зооним» (в зеркале английских примет): Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 246 с.
10. Васильев В.П., Васильева Э.В. Примета как культурно-ассоциативный слот метеонимического концепта // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 10. Благовещенск: АмГУ, 2013. С. 152-160.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А-З. М.: РИПОЛ классик, 2006. 752 с.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4: Р-Я. М.: РИПОЛ классик, 2006. 672 с.
13. Единак О.В. Фрейм «удача» и его лексические маркеры в русских приметах // Актуальные проблемы современной лингвистики: материалы Четвертой межвузовской научно-практической конференции. СПб.: ЛЭТИ, 2015. С. 34-35.
14. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. 3-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2006. 440 с.
15. Иванилов В.М. Ассоциативный потенциал слова как основа толкования сновидений: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 279 с.
16. Кулькова М.А. Семантика и прагматика немецких и русских народных примет (лингвокультурологический подход): Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 216 с.
17. Лян М. Семиотический подход к исследованию русских примет (на материале примет о птицах) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8. № 1. С. 95-112.
18. Никитина Т.Г., Рогалева Е.И., Иванова Н.Н. Большой словарь примет М.: АСТ: Астрель, 2009. 687 с.

19. Птицы. Энциклопедия природы России / Р.Л. Бёме, В.Л. Динец, В.Е. Флинт, А.Е. Черенков / под общ. ред. В. Флинта. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ABF, 1998. 432 с. URL: https://www.phantastike.com/biology/entsiklopediya_prirody_rossii_ptitsy/djvu/view/ (дата обращения: 20.12.2022).
20. Рычкова Н.Г. Особенности синтаксической реализации фразеологизмов *в пух и (в) прах* и *не на жизнь (живот), а на смерть*: сопоставительный анализ // Сибирский филологический журнал. 2011. № 4. С. 45-51.
21. Семененко Н.Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики (на материале русского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2012. 418 с.
22. Современный русский язык: учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / под ред. Л. Р. Дускаевой. СПб.: Питер, 2014. 352 с.
23. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
24. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.
25. Тонкова Е.Е. Народная примета с позиций лингвокогнитивистики и лингвокультурологии: Дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2007. 189 с.
26. Фаттахова Н.Н. Семантика и синтаксис народных примет в русском и татарском языках: сопоставительный аспект: Дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2002. 401 с.
27. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Со-временный русский язык». 2-е изд. Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 1994. 44 с.

References

1. Agrinskij K.F. *Russkie narodnye primety o pogode i ih znachenie dlya prakticheskoj meteorologii i sel'skogo hozyaјstva* [Russian folk omens about the weather and their significance for practical meteorology and agriculture]. Saratov: Tipografiya T-va I.I. Lysenko i N.S. Petrov, 1899, 364 p.

2. Anan'ina T.S. *Reprezentaciya primet i poverij vo frazeologicheskikh edinicah russkogo i francuzskogo yazykov (sopostavitel'nyj aspekt)* [Representation of signs and beliefs in phraseological units of the Russian and French languages (comparative aspect)]. PhD dissertation. Moscow, 2018, 252 p.
3. Arutyunova N.D. *Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problem* [The sentence and its meaning: Logical and semantic problems]. Moscow: Nauka Publ., 1976, 383 p.
4. Afanas'ev A.N. *Zhivaya voda i veshchee slovo* [Living water and prophetic word]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1988, 512 p.
5. Bajburin A.K. *Ritual v tradicionnoj kul'ture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavyanskikh obryadov* [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rites]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1993, 240 p.
6. Balakin S.V. Osnovnye svojstva propozicional'noj struktury pri derivacionnyh processah (na materiale francuzskogo yazyka) [The main properties of the propositional structure in derivational processes (based on the French language)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Humanities], 2014, vol. 156, book 5, pp. 90-98.
7. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by S. A. Kuznecov. St. Petersburg: Norint Publ., 2000, 1536 p.
8. Burcev A.E. *Narodnyj byt velikogo severa. Ego nravy, obychai, predniya, predkazaniya, predrassudki, pritchi, poslovica, prislov'ya, pribautki, peregudki, pripevy, skazki, priskazki, pesni, skorogovorki, zagadki, schety, zadachi, zagovory i zaklinaniya* [Folk life of the Great North. Its morals, customs, predictions, prejudices, parables, proverbs, jokes, rhymes, refrains, fairy tales, sayings, songs, tongue twisters, riddles, tasks and spells]. Moscow: MOOO «Ekologicheskij soyuz Podmoskov'ya», IC «Slava!», 2010, 624 p.
9. Vagner K.R. *Semantika i sintaksis russkikh narodnyh primet s komponentom «zoonim» (v zerkale anglijskikh primet)* [Semantics and syntax of Russian folk signs with the “zoonym” component (in the mirror of English signs)]. PhD dissertation. Kazan', 2008, 246 p.

10. Vasil'ev V.P., Vasil'eva E.V. Primeta kak kul'turno-associativnyj slot meteonimicheskogo koncepta [A sign as a cultural-associative slot of a meteonomic concept]. *Slovo: fol'klorno-dialektologičeskij al'manah. Materialy nauchnyh ekspedicij* [Slovo: folklore-dialectological almanac. Materials of scientific expeditions], 2013, no. 10. Blagoveshchensk: AmGU, pp. 152-160.
11. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vol. 1. Moscow: RIP-OL klassik Publ., 2006, 752 pp.
12. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vol. 4. Moscow: RIP-OL klassik Publ., 2006, 672 pp.
13. Edinak O.V. Frejm «udacha» i ego leksicheskie markery v russkikh primetah [The frame “luck” and its lexical markers in Russian signs]. *Aktual'nye problemy sovremennoj lingvistiki: materialy Četvertoj mezshvuzovskoj nauchno-praktičeskoj konferencii* [Actual Problems of Modern Linguistics: Materials of the Fourth Interuniversity Scientific and Practical Conference]. St. Petersburg: LETI, 2015, pp. 34-35.
14. Zolotova G.A. *Sintaksicheskij slovar': Repertuar elementarnyh edinic russkogo sintaksisa* [Syntactic dictionary: Repertoire of elementary units of Russian syntax]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2006, 440 p.
15. Ivanilov V.M. *Associativnyj potencial slova kak osnova tolkovaniya snovidenij* [The associative potential of the word as the basis for the interpretation of dreams]. PhD dissertation. Ekaterinburg, 2006, 279 p.
16. Kul'kova M.A. *Semantika i pragmatika nemeckih i russkikh narodnyh primet (lingvokul'turologičeskij podhod)* [Semantics and pragmatics of German and Russian folk signs (linguoculturological approach)]. PhD dissertation. Kazan', 2005, 216 p.
17. Lyan M. *Semiotičeskij podhod k issledovaniju russkikh primet (na materiale primet o ptichah)* [Semiotic approach to the study of Russian signs (based on signs about birds)]. *Teoretičeskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2022, vol. 8, no 1, pp. 95-112.
18. Nikitina T.G., Rogaleva E.I., Ivanova N.N. *Bol'shoj slovar' primet* [Large dictionary of folk beliefs]. Moscow: AST: Astrel' Publ., 2009, 687 p.

19. *Pticy. Enciklopediya prirody Rossii* [Birds. Encyclopedia of the nature of Russia]. Moscow: ABF Publ., 1998, 432 p. URL: https://www.phantastike.com/biology/entsiklopediya_prirody_rossii_ptitsy/djvu/view/ (accessed December 20, 2022).
20. Rychkova N.G. Osobennosti sintaksicheskoy realizacii frazeologizmov v puh i (v) prah i ne na zhizn' (zhivot), a na smert': sopostavitel'nyj analiz [Features of the syntactic implementation of phraseological units to the nines and (to) ashes and not to life (belly), but to death: a comparative analysis]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2011, no 4, pp. 45-51.
21. Semenenko N.N. *Kognitivno-pragmaticheskaya paradigma paremicheskoy semantiki (na materiale russkogo yazyka)* [Cognitive-pragmatic paradigm of paremic semantics (based on the Russian language)]. PhD dissertation. Belgorod, 2012, 418 p.
22. *Sovremennyy russkij yazyk: uchebnik dlya vuzov. Standart tret'ego pokoleniya* [Modern Russian language: a textbook for universities. Third generation standard]. Ed. by L.R. Duskaeva. St. Petersburg: Piter Publ., 2014, 352 p.
23. Ten'er L. *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [Fundamentals of structural syntax]. Moscow: Progress Publ., 1988, 656 p.
24. *Tolkovyj slovar' russkih glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Anglijskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. Moscow: AST-PRESS Publ., 1999, 704 p.
25. Tonkova E.E. *Narodnaya primeta s pozicij lingvokognitivistiki i lingvokul'turologii* [Folk sign from the standpoint of linguocognitive science and linguoculturology]. PhD dissertation. Belgorod, 2007, 189 p.
26. Fattahova N.N. *Semantika i sintaksis narodnyh primet v russkom i tatarskom yazykah: sopostavitel'nyj aspekt* [Semantics and syntax of folk signs in the Russian and Tatar languages: a comparative aspect]. PhD dissertation. Kazan', 2002, 401 p.
27. Shmeleva T.V. *Semanticheskij sintaksis: Tekst lekcij iz kursa «So-vremennyy russkij yazyk»* [Semantic Syntax: Text of lectures from the course "Modern Russian Language"]. Krasnoyarsk: KSU Publ., 1994, 44 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ**Лян Мэнцзе**, аспирант

*Мурманский арктический государственный университет
ул. Капитана Егорова, 15, г. Мурманск, 183038, Российская
Федерация
mentsze2018@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR**Liang Mengjie**, PhD student

*Murmansk Arctic State University
15, Kapitana Egorova Str., Murmansk, 183038, Russian Federation
mentsze2018@gmail.com
SPIN-code: 4816-0026
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5903-4457>
ResearcherID: AFB-5656-2022*

Поступила 10.02.2023

После рецензирования 05.03.2023

Принята 12.03.2023

Received 10.02.2023

Revised 05.03.2023

Accepted 12.03.2023